

Ю. Мартов против И. Сталина

<http://www.beenergy.ru/document/206-martov-vs-stalin.html>

10 февраля 2008. | Анна Головкова

Сегодня мы публикуем уникальные исторические материалы о судебном заседании 1918 года, на котором столкнулись Мартов и Сталин. Это редчайшее историческое свидетельство легальной политической борьбы между оппозицией и властью. Перепечатка из ветхих газет долгие годы лежала в «запасниках» историка Г. Головкова. Ею помогла подготовить к печати к. и. н. Юлия Дунаева. Документ этот публикуется впервые. И является одним из первых свидетельств хитрости и беспринципности Иосифа Сталина, человека, по приказу которого было уничтожено 30 миллионов человек – гораздо меньше жизней потеряла страна во время Великой Отечественной войны.

В основу настоящей публикации положены материалы, взятые из газеты «Вперед», о судебном процессе, происходившем весной 1918 г. над Ю. Мартовым, обвиненном в клевете на И. Сталина. Поводом для обвинений стала статья Мартова «Еще раз «об артиллерийской подготовке», в которой упоминается исключение И. Сталина из партии из-за его причастности к экспроприациям в Закавказье. Обнародование в массовой печати этого одиозного факта из жизни известного большевика вызвало гнев Сталина, и он подал в суд на Мартова. Большевистская газета «Вперед», главным редактором которой был Мартов, поместила стенографический отчет о заседаниях. Большевистская пресса ограничилась информационными заметками. Заключают эту плеяду материалов несколько статей-откликов на результаты судебного процесса.

Юлий Осипович Мартов (1873 – 1923) - один из основателей социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1903 г. меньшевик, один из создателей проекта Программы РСДРП, Мартов часто оппонировал Ленину и его сторонникам по вопросам организации и тактики партийной работы, осуждал его методы борьбы за власть. Даже после победы большевиков в 1917 г., Мартов резко критиковал в партийной меньшевистской печати политический курс большевиков. Он был прекрасным полемистом, сотрудником многих социал-демократических изданий. Мартов неоднократно принимал участие в работе международных социал-

демократических конгрессов и организаций. В 1920 г. Мартов по поручению ЦК РСДРП (меньшевиков) выехал за границу для участия в работе Интернационала. Из этой поездки Мартов не вернулся, он умер в Германии в 1923 г.

Его оппонент, **Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили)** (1879, по другим сведениям 1878 - 1953) - член РСДРП, большевик. В молодости был участником первой грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси» («Третья группа»). Принимал активное участие в так называемых «экспроприациях» - грабежах, «высокой целью» которых были партийные нужды. С 1917 г. Сталин был членом Политбюро ЦК РСДРП (большевиков), членом Военно-революционного комитета, после октябрьского переворота 1917 г.- наркомом по делам национальностей. В 1922 г. он назначен генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Постепенно этот человек узурпировал всю полноту партийной и государственной власти. В годы его правления был создан беспрецедентный аппарат тоталитарно-репрессивного однопартийного государства.

Публикация материалов этого процесса нам представляется интересной по нескольким причинам. Это редкое историческое свидетельство **легальной политической борьбы** между бывшими однопартийцами, часть из которых представляла власть, а часть осталось в оппозиции, и на первых порах пыталась действовать легальными методами политической борьбы. На сегодняшний день информация об этом деле в исторических источниках дается крайне скупо, как правило, в нескольких строках сообщается, что такой процесс имел место.

Сегодня газета «Вперед» доступна только в нескольких крупнейших библиотеках страны: РГБ им. Ленина и в библиотеке ИНИОН РАН. Именно в последней в 1970-е гг. один из старейших сотрудников ИНИОН РАН Г.З.Головков и нашел эти материалы. Несколько слов о нем. Г.Головков около 40 лет работает в библиотеке ИНИОН, много лет занимается исследованиями истории России XIX – начала XX вв. Он автор книг: «Канцелярия непроницаемой тьмы» (1994); «Бунт по-русски: палачи и жертвы.» (2005), подготовлена к печати работа «Женское лицо русской революции», также готовится издание о роли радикальной интеллигенции в русском революционном движении. Характерная черта его работ – живой и непредвзятый взгляд на события прошлого, реконструированные на основе тщательно изученного обширного круга малодоступных и редких источников. Перепечатка из ветхих газет долгие

годы лежала в «запасниках» Г.Головкова, сначала было «не то время» для публикации подобного материала. Принимать участие в «общем хоре», зачастую «сырых» и точно уж политически тенденциозных публикаций времен гласности и перестройки, не хотелось. Теперь, когда накал дискуссий о роли И.Сталина в истории перешел в русло научного анализа и обсуждения, нам кажется полезным опубликовать и ввести в научный оборот живой исторический источник. Статьи не только передают атмосферу и тончайшие нюансы заседаний, но и показывают некоторые черты характера И.Сталина и большевистских судей. Поэтому материал может быть интересен не только с точки зрения исторической фактографии, но и исторической психологии.

Материал публикуется в полном соответствии с источником.
1. Статья Л.Мартова «Еще раз об «артиллерийской подготовке».

Когда три дня назад «Правда» сенсационно сообщила о расстреле на Кавказе, мы заметили, что ни Ц.К. ничего не знает ни о них, ни о преследовании большевистской печати на Кавказе. Г. Сосновский счел нужным притвориться, что не верит искренности нашего заявления. Всякий судит по себе. Ведь он сам, наверное, «не знает» до сих пор, что рабочие Обуховского и других заводов были расстреляны 5 января, что рабочие манифестации были расстреляны большевистскими жандармами в Коврове, Туле, Москве и множестве других мест, что янычары Антонова казнили в Ростове-на-Дону малолетних детей и т.п. Но не всякий называется Сосновским. Когда я публично заявляю, что наш партийный центр не знает о том или другом происшествии, это значит, что так оно и есть. И г.г. Сосновские отлично это знают...

После опубликования моей статьи ко мне и в Ц.К. явились различные товарищи, осведомленные о кавказских событиях и частью бывшие в Тифлисе в феврале месяце. Поэтому теперь я, хоть и очень недостаточно, осведомлен об этих событиях и могу сообщить читателям нашей газеты, что на самом деле произошло на Кавказе.

10 февраля в Александровском саду в Тифлисе, действительно, милиция стреляла в толпу манифестантов. То, что мне сообщают об этом случае, не сходится с описанием, данным в сегодняшних «Известиях», что, впрочем, и естественно: участники кровавого столкновения неизбежно иной раз сгущают краски. Мои информаторы говорят, что ни о каком расстреле по повелению властей не может быть и речи: стреляла милиция

после неудачной попытки заставить демонстрантов разойтись. Демонстрация была мирной. Милицию, по словам очевидца-меньшевика, не провоцировали: был только большевиками обезоружен один милиционер. Сами милиционеры утверждают, что их спровоцировал выстрел из толпы. Присутствующие меньшевики возмущены поведением милиции, один свидетель объясняет его растерянностью милиционеров и неумелостью их. Как бы то ни было, а очевидно одно: перед нами случай полицейского эксцесса, в результате которого были жертвы. Самый разгон демонстрации последовал на основании военного положения, а таковое было объявлено ввиду крайне напряженных отношений между армянами и мусульманами, грозивших ежедневно погромами.

Но вот о чем умалчивают гг. Сталины, Сосновские и Зиновьевы, позволяющие себе писать о «кавказских Галифе - Чхеидзе и Гегечкори, расстреливающих рабочих». Краевая власть объявила о назначении следствия для наказания виновных в расстрелах, каково бы ни было их положение. Если бы в советской республике мы могли жаловаться лишь на эксцессы советской полиции и знали, что в Коврове, Туле или Ростове большевистская власть преследует совершающих эти эксцессы, то мы бы не возлагали на Троцкого, Ленина и Ко ответственности за многочисленные трупы перестрелянных с октября месяца рабочих. Так обстоит с расстрелом 10 февраля. А с «виселицей» на улицах Тифлиса? Как я и предполагал, - это – «кавказский анекдот». Виселица была. Но не имела никакого отношения к большевикам и большевистским рабочим. Один «уличный комитет», ввиду опасности армяно-татарской резни, объявил, что будет вешать погромщиков и соорудил виселицу. Власти узнали и убрали виселицу уже к 1 часу того же дня. Стало быть, виселица относится к тому же разряду попыток борьбы с хулиганством, как и обычные приказы большевиков о расстрелах грабителей. Мы против казни вообще, против казни без суда особенно, хоть бы казнили грабителей. Но для характеристики политического режима Закавказья виселица решительно не годится. Она годится зато для демагогии Зиновьевых и Сталиных, чьи руки обогреты кровью не воров, а политических противников. «Веревочка? Ничего! И веревочка в хозяйстве пригодится!».

Печать большевистская, действительно, кавказскими властями была закрыта. И это очень нехорошо, чем бы эта мера ни была вызвана. Поскольку члены нашей партии участвуют в кавказском правительстве, они должны настоять на открытии большевистских газет и добиваться, чтобы Закавказская республика не бесчестила себя, опускаясь до уровня

какого-нибудь правительства Ленина - Троцкого или Вильгельма - Гинденбурга.

Наконец, инсинуация, будто меньшевики подавляют на Кавказе «крестьянское восстание» и помогают помещикам. Как и следовало ожидать, и Сосновский и Сталин называют крестьянским восстанием подвиги терроризирующих самих крестьян разбойничьих банд, которые вырезают целые семьи и грабят и помещиков и других обывателей. Против этих банд местные (меньшевистские) советы ведут энергичную борьбу. За это их кавказские большевики анархистского толка обвиняют в поддержке помещиков, как русских большевиков налетчики-анархисты обвиняют в поддержке капиталистов, когда советы выступают против бандитизма. А что кавказские большевики искони примазывались к разного рода удалым предприятиям экспроприаторского рода, хорошо известно хотя бы тому же г. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям.

Я указал, что кавказские виселицы и расстрелы понадобились «Правде» для артиллерийской подготовки предстоящего похода большевистского правительства на Кавказ в целях его «присоединения» и в целях выполнения обязательства, которое взял на себя Ленин: отдать Батум, Карс и Ардаган Турции. Дело, очевидно, идет к этому. Совет Народных Комиссаров уже обратился с протестом к кавказскому сейму, который объявил что, не желая подчиняться Брестскому договору и отдавать Батум Турции, Кавказ объявляет себя независимой республикой и предлагает Турции переговоры о мире на иных условиях. На каком основании протестует Совет Народных Комиссаров? Ведь советская республика признала за всеми национальностями право на самоопределение вплоть до отделения. Она не только не протестует против отделения Финляндии и Украины, но еще и обещалась по Брестскому договору не вести борьбы против правительств этих государств. И только Кавказу, который не отдался под покровительство Германии, отказывают в праве на отделение. Отказывает те самые люди, которые в Бресте, подобно Ноздреву, продавшему «по ошибке» соседний с его именем лес, отдали Германии не принадлежащие им Батумскую и Карскую область.

Я спрашиваю еще раз: готовят ли Ленин и К^о поход на Кавказ для исполнения Брестского договора? Является ли - после артиллерийской подготовки - протест Совета Народных Комиссаров прологом к военным

действиям?

Гг. Сосновский и Сталин еще раз промолчат в ответ на этот вопрос. Их молчание будет красноречивее всех тех слов, которые они будут расточать по случаю расстрела, виселицы и закрытия газет. Вперед 31 (18) марта 1918 г. № 51 (297)

2. Стенографический отчет о большевистском суде над Л.Мартовым

В трибунале

Ни разу еще в новом помещении революционного трибунала на Солянке не было такого наплыва публики, какое наблюдалось вчера во время слушания дела т. Мартова.

Задолго до начала слушания дела зал переполнен. Публика продолжает пребывать, и красногвардейцы принуждены загородить доступ новым лицам. У двери начинается свалка. Публика одерживает верх и продолжает «уплотнять» зал заседаний. Среди публики много рабочих. Заседание открывается около 1 часа дня. Появляются «судьи» во главе с председателем Печаком.

- Слушается дело Л.Мартова, - объявляет председатель.

Л.Мартов отделяется от группы товарищей и направляется к скамье подсудимых. Раздается гром аплодисментов. Публика устраивает Мартову шумную, долго не смолкающую овацию.

Председатель грозит публике удалением из зала и указывает красногвардейцам на необходимость наблюдения за порядком, но из глубины раздаются голоса:

- Рты зажимаете!

Постепенно наступает тишина, и председатель обращается к присутствующим с вопросом:

- Кто желает обвинить Л.Мартова?

Вызываются двое: возбудивший настоящее дело, член Совета Народных Комиссаров комиссар по национальным делам Иосиф Джугашвили-Сталин и сотрудник газеты «Правда» Сосновский. Первый обвинитель – Сталин является потерпевшим по делу. Л.Мартов сообщил в одной из статей в газете «Вперед», что Сталин был исключен из партии за причастность к экспроприации.

- Кто будет защитником? – спрашивает председатель.

Из зала раздается голос: «Защитника не пропускают в зал». председатель недоверчиво спрашивает: Кто этот защитник и где он? Тот же голос отвечает: Рабочий Тульского завода Александров. Красногвардейцы не пропускают его, несмотря на его заявление, что он защитник по делу тов. Мартова. В зале гул протестов. Председатель растерянно дает

распоряжение

впустить

защитника.

Вторым защитником является тов. Лапинский.

Заявление Мартова

Л.Мартов, получив слово для объяснений, протестует против привлечения его к суду революционного трибунала.

- Я заявляю, - говорит он, о неподсудности этого дела трибуналу. Революционный трибунал создан для рассмотрения дел о преступлениях против народа, частные же жалобы рассматриваются в народных судах. До сих пор я не слышал, чтобы Сталин олицетворял собой народ и раз дело касается его личной чести, то оно должно быть передано в народный суд. Мне могут указать, что Сталин - член нынешнего правительства, но нигде в мире такие дела не слушаются в трибуналах. Даже в королевской Англии в случае оскорбления личной чести короля дело о таком оскорблении слушается в обычном суде. Поэтому я считаю, что меня не должен судить трибунал, состоящий из моих политических противников. Думаю, Сталин может понимать, что честь, требующая для своей охраны особой подсудности, не стоит и двух копеек.

- Трибуналу печати подсудны все дела о клевете в печати, - разъясняет председатель.

Требование Мартова о вызове свидетелей.

Мартов переходит к существу дела и просит вызвать ряд свидетелей, могущих подтвердить факты, указанные в его статье.

- Это, во-первых, известный грузинский социал-демократический общественный деятель, Исидор Рамишвили, состоявший председателем революционного суда, установившего причастность Сталина к экспроприации парохода «Николай I» в Баку, Ноя Жордания, «большевика» Шаумяна и других членов Закавказского областного комитета 1907-08 гг. Во-вторых, - группа свидетелей во главе с Гуковским, нынешним комиссаром финансов. Под его председательством рассматривалось дело о покушении на убийство рабочего Жаринова, избличавшего перед партийной организацией Бакинский комитет и его руководителя Сталина в причастности к экспроприации.

Сталин протестует.

- Никогда, - говорит он, - я не судился. Если Мартов утверждает это, то он гнусный клеветник, чтобы его обезвредить, нужно Мартова осудить. Дело необходимо заслушать немедленно, не откладывая его до вызова свидетелей.

Решение трибунала.

Трибунал совещается и выносит решение:

Дело слушать немедленно. Мотивы таковы: с Кавказа свидетелей вызвать трудно за дальностью расстояния, а московских свидетелей Мартов мог сам пригласить в зал заседания.

- Это было невозможно, - протестует Мартов. – Я полагал, что согласно обычаям революционного трибунала, меня вызывали сегодня в следственную комиссию, где я мог бы представить список свидетелей. Я попал, оказывается, в трибунал, и отказ в вызове свидетелей могу рассматривать лишь как акт политической мести моих противников. Знайте же: никакому суду не удастся заставить рабочий класс России и международный пролетариат, перед лицом которого проходила вся моя деятельность, поверить, что Мартов клеветник. Бойтесь, чтобы кто-нибудь из вас не попал в историю, как судья, предвзято обвинивший Мартова

в

клевете.

Раздаются долгие несмолкаемые аплодисменты. Председатель волнуется и отдает красногвардейцам распоряжение немедленно очистить зал от публики.

Удаление публики

Появляются вооруженные красногвардейцы и начинают теснить публику. Раздаются крики:

- Не уходите. Пусть нас расстреляют! Пусть удалят нас силой! Бывший большевистский комиссар юстиции И.Я. Левинсон подходит к столу Сосновского и, ударив кулаком по столу, возмущенно кричит: - Я 13 лет состою в партии и подобной гнусности не видел. Я говорю вам это, как большевик!

- Какой вы большевик! – раздраженно отвечает Сосновский.

Красногвардейцы продолжают тискать публику. Кому-то угрожают прикладом. Л.Мартов вскакивает с места и, подбегая к красногвардейцу, заявляет:

- Я не допущу этого.

Затем он поднимается на ступеньку возвышения у судейского стола и обращается к присутствующим со следующим заявлением:

- Товарищи, против штыков вы ничего сделать не можете. Прошу подчиниться силе. Пусть они творят свой суд в тиши застенка. Публика начинает расходиться.

Неожиданно появляется в зале распорядитель–пристав и заявляет, что председатель согласен вновь допустить в зал публику, но только по билетам. Процедура выдачи билетов длится около часа.

Выступление защитников

По открытии заседания обвинитель Сосновский предлагает отказать в вызове свидетелей, проживающих на Кавказе, а отложить дело для вызова и допроса тех, кто проживает в Москве и Петрограде. Иначе дело затянется.

В защиту Л.Мартова выступает рабочий Тульского завода Александров. Он заявляет, что среди рабочих есть еще мнение, что революционный трибунал обеспечивает лучше всякого суда выяснение истины. То, что делаете вы здесь – покажет им...

Председатель трибунала лишает т. Александрова слова. Тот пытается продолжить свою речь, но председатель настойчиво заявляет ему, что в случае неподчинения он принужден будет прибегнуть к иным средствам воздействия.

Л.Мартов возмущенно протестует:

- Я хочу знать, вправе ли я свободно выбирать себе защитника. Я требую, чтобы вопрос этот был разрешен не председателем единолично, а всей коллегией трибунала.

Трибунал смущенно удаляется на совещание и признает за Александровым право кончить свою речь.

Следующий защитник т. Лапинский спрашивает, разрешен ли трибуналом вопрос о свидетелях или нет.

- Это зависит от т. Сталина, который возбудил дело, - наивно заявляет председатель.

- Но ведь он - сторона в деле, - протестует Т.Лапинский. – я ходатайствую хотя бы о письменном показании кавказских свидетелей. Иначе процесс о клевете превратится в процесс о диффамации: этим пользовались в старое время власть имущие, но каждый уважающий себя гражданин-демократ, желающий действительно сберечь свою честь, так не поступит.

- В этом деле, - продолжает защитник, - много странного. Свидетелей нам не дают возможности вызвать; шли мы в следственную комиссию, - а оказались в трибунале и не в революционном трибунале, а в трибунале печати. Даже имен судей нам не сообщили.

Л.Мартов в свою очередь настаивает на допросе всех свидетелей.
- Я прошу, - говорит он, - чтобы суд принял меры к получению показаний всех свидетелей, хотя бы почтой. Заявляю также снова, что дело мое ведется действительно более, чем странно.

Необходимо вызвать их, ибо только члены Закавказской организации могут показать, как в действительности обстоит дело со Сталиным. Печатных отчетов о тайных заседаниях суда в период нелегального существования с.-д. партии нет, и лишь свидетели могут сообщить о

фактах этого времени. Пригласить свидетелей в суд я не могу, ибо многие из них – мои политические противники. Их должен вызвать суд и должен заставить их явиться суда. Я же продолжаю утверждать, что прошлое Сталина – есть прошлое экспроприатора.

Неожиданно Сталин становится в новую позицию:

- У Мартова, - говорит он, - ни тени фактов или доказательств. Пусть он признает свою вину, и я сниму обвинение. А после он может доказывать в третейском суде свою правоту. Хоть через год, через два. Пока же я настаиваю: никаких уступок, он должен понести немедленно кару. Я предлагаю свидетелей не вызывать и сейчас рассмотреть дело. Тов. Лапинский: Обвиняемому ставится в вину непредставление доказательств, но это софизм, ибо свидетели и есть классическое доказательство. А обвинитель старается именно этого доказательства не допустить. Мы имеем перед собой небывалый случай, когда социалист, привлекая к суду своего политического противника по обвинению в клевете, добивается у суда отказа в вызове свидетелей, обвинитель разошелся тут даже со своим представителем на суде, который, по крайней мере, согласен на вызов некоторых свидетелей, проживающих в Москве и Петрограде. Обращаю внимание на это характерное обстоятельство.

Заявление Мартова

- Я сторона в деле и заявляю, что доказать правильность своего утверждения могу лишь тогда, если будут допрошены названные мною свидетели.

- Гражданин Мартов, - неожиданно спрашивает председатель, - а если свидетелей не удастся допросить – как быть тогда?

- Я не юрист, - отвечает Л.Мартов, - и своей кандидатуры на пост председателя трибунала не выставлял. Но думаю, что сейчас трибунал должен приложить все старания, чтобы дать мне возможность доказать свою правоту. Я помню, когда Ленин был предан партийному суду по обвинению в клевете на меньшевиков, и дело это слушалось под председательством Козловского, то мы дали своим противникам использовать все доказательства и допросить всех свидетелей. Дело длилось с января по июнь. Но я не намерен затягивать дело. Скажу одно: если нельзя будет допросить свидетелей, - это мое несчастье, но если они не будут допрошены потому, что этого не хочет Сталин, - то это его несчастье.

Напомню еще одно: когда мы судили Ленина, мы составили коллегия из 5 большевиков и 4 меньшевиков. Мы предоставили ему все средства

защиты. Нельзя сослаться на то, что оклеветанному трудно жить: живу же я, хотя в «Правде» Демьян Бедный утверждает, будто меня «купил буржуй»? Проживет и Сталин, и, вероятно, очень недурно. Может иначе получиться такая же история, какая была в деле Малиновского. Я высказал подозрение в причастности его к охранке. Меня привлекли к швейцарскому суду, перед которым не могли предстать свидетели, знавшие правду о Малиновском. Когда я отказался от такого суда, то в большевистской газете напечатали, что я клеветник. Прошли года – и оказалось, что Малиновский был провокатором.

Сосновский не унимается и настаивает на вызове свидетелей.

Постановление суда

Председатель настойчиво добивается ответа от Сталина, хочет ли он слушать дело сейчас или согласен на отсрочку. Сталин упорно возражает против вызова свидетелей с Кавказа, утверждая, что с Кавказом нет никакого сообщения.

- Да ведь Сталин сам отправляет сейчас людей в Тифлис, - недоумевает Л.Мартов, – почему же он не может отправить туда письма? Трибунал удаляется на совещание и после непродолжительного совещания выносит решение:

- Отложить дело на неделю для вызова свидетелей.

Раздаются возгласы недоумения:

- Чем трибунал мотивировал такое Соломоново решение?
- Мы решили так, - заявляет председатель. – Телеграф до Ростова работает из Москвы, а до Тифлиса из Ростова. За неделю можно будет снести со свидетелями. Свидетелей, во всяком случае, вызовет трибунал.

Защитника т. Лапинского такое решение не удовлетворяет. Он указывает в своем заявлении на то, что решение суда, откладывающее слушание дела на неделю для вызова свидетелей, является в скрытой форме отказом в вызове тех свидетелей, которых ни лично немислимо вызывать к этому сроку, ни получить от них письменные показания. Защитник настаивает на том, чтобы трибунал сам занялся вызовом указанных ему свидетелей. Обвиняемый не откажется от права возобновить через недельный срок свое требование: вызвать тех необходимых свидетелей, которых показания особо важны для дела и которые за краткостью времени не могут быть ни вызваны, ни допрошены на месте. «Вперед», 6 апреля (24 марта) 1918 г. № 56 (302)

3. Статья, подписанная А.К-к. «Будьте на страже!»

Кто автор статьи установить пока не представляется возможным. Проверено по словарю псевдонимов А. Масанова

Они отложили дело на семь дней, но фактически они уже вчера подписали обвинительный приговор.

Не тов. Мартову, которого они посадили на скамью подсудимых, а себе, большевистской власти, большевистскому режиму беспощадной и бесчестной расправы с политическими противниками существующей власти.

Они даже не пытались соблюсти внешние судебные формы, которыми умели прикрываться в свое время щегловитовы для расправы с врагами царизма. Видно, по недостатку образования, в котором сам Троцкий признал недавно грех большевистской власти. Даст Бог, царские генералы научат... А пока они расправляются по-своему, не по-ученому. Свидетели? К чему свидетели, раз сам потерпевший, «невинно оклеветанный» комиссар Сталин считает излишним их вызов! Публика? Можно и без публики, тем более, что она так бурно выражает свои симпатии подсудимому и явно дерзостное неуважение суду! Да и вообще - при чем тут свидетели, следствие, гласность, при чем тут интересы защиты и подсудимого, когда все дело не в том, чтобы осудить своего политического противника, силою слова борющегося с теми, кто сидит за судьейским столом?

И бывший большевистский комиссар юстиции Левинсон выразил то, что думал в душе каждый из присутствующих в зале заседания, когда он в негодовании бросил суду:

- Мерзость и гнусность – то, что вы делаете.

И оттого, что они сами знали, что делают мерзкое и гнусное дело, не смели судьи смотреть публике прямо в глаза и к полу опущены были их взоры. И на настойчивое приглашение назвать свои имена – они скромно смолчали. И оттого, что больно били их обличительные речи подсудимого и его защитников, и оттого, что слишком убедительна была простая правда этих речей, даже они, эти судьи, пришедшие не для суда, а для расправы, не посмели сказать откровенно вчера: да, виновен.

Они отложили на неделю свой приговор. Отказавшись вначале от вызова свидетелей, они дали семь дней на их вызов. Но, назначив семидневный срок, они открыто признали, что не хотят допустить действительной явки свидетелей, большинство которых сейчас на Кавказе.

Они отложили свой приговор над тов. Мартовым, но себе они уже произнесли приговор беспощадный. Они наглядно показали рабочему классу, что «дело» тов. Мартова всего только шаг на пути борьбы с социал-демократией, с партией рабочего класса. С первого дня своего господства ведут они эту борьбу, но сейчас, когда они с каждым часом все больше теряют почву в рабочем классе, чувство мести и жажды расправы окончательно пьянит их головы. И мы знаем, что новые бичи и скорпионы еще ждут нас впереди.

Рабочий Александров, защищавший вчера тов. Мартова, сказал на суде: - Я считаю для себя честью защищать тов. Мартова.

Дело чести всего рабочего класса – встать сейчас на защиту своей рабочей партии, не допустить совершиться расправе, которую собираются над ней совершить. Будьте на страже, товарищи-рабочие! Против вашей партии затевается решительный поход!

«Вперед», 6 апреля (24 марта) 1918 г., № 56 (302)

4. Материалы, опубликованные Л.Мартовым под заголовком: «Народ – это я»

Вчера мною передано в Революционный трибунал нижеследующее заявление:

В Московский Революционный трибунал.

По делу по обвинению Л.Мартова Сталиным в клевете
Заявление.

После того как особым декретом революционный трибунал по делам печати был упразднен, слушавшееся в нем дело по обвинению меня г. Сталиным поступило в революционный трибунал, следственная комиссия коего вызвала меня для допроса.

Уже при самом начале моего дела в упраздненном ныне трибунале я указывал на нарушение самых элементарных правил о подсудности, соблюдение которых, казалось бы, должно быть обязательным прежде всего для самих членов трибунала.

Еще более противоречащей здравой логике явилась попытка допросить меня в следственной комиссии после того, как дело уже слушалось в публичном заседании трибунала по делам печати, причем не состоялось формальное постановление о направлении дела к расследованию в порядке предварительного следствия.

Теперь оказывается, что дело о клевете, возникшее по частной жалобе г.Сталина, передано для разбора в Московский революционный трибунал, которому, согласно декрету, опубликованному в № 40 «Известий Московского Совета Р.Д.», подсудны дела о преступлениях против народа путем использования печати, для «организации восстаний против рабоче-крестьянского правительства» и ряд других, точно поименованных преступлений и проступков против народа или государства.

Полагаю, что даже при самом пренебрежительном отношении к таким буржуазным предрассудкам, как судопроизводство, все же гражданин Сталин не может быть отождествлен с российским народом или государством и что оскорбление гр. Сталина не может быть приравнено ни к одному из перечисленных в упомянутом декрете преступлений и проступков, я заявляю самый решительный протест против этого нового нарушения, допущенного в моем деле, нарушения, сущность которого сводится к установлению в Советской республике новой привилегии для г.г. комиссаров: судиться там, где им заблагорассудится.

Ввиду изложенного я настаиваю на прекращении моего дела в Московском революционном трибунале и возвращении гражданину Сталину его жалобы, с которой он, если ему угодно, может обратиться в местный народный суд.

Настоящее заявление доверяю передать тов. А.А. Плескову.

Ю.О.Цедербаум-Мартов

13 апреля 1918 г.

Вопрос, который я возбуждаю перед Революционным трибуналом, имеет известное политическое значение. В каком строе мы живем? В республике ли, в которой все граждане равны и должностные лица: в качестве слуг и приказчиков народа, охраняются тем же судом и теми же законами, что и «простые смертные», или в монархии, где особые законы и особые суды установлены для преступлений, совершаемых монархом и его представителями, и особые для всех остальных?

Революционный трибунал предназначен, как гласит декрет, изданный большевиками, судить «преступления против народа». Каким же образом обида, нанесенная Сталину, может считаться преступлением против народа? Только в том случае, если считать, что Сталин и есть народ. В XVII в. французский король-самодур Людовик XIV любил говорить: «Государство – это я» и на этом основании не любил делать различия между своим карманом и казной.

Я поднимаю вопрос о подсудности перед Революционным трибуналом именно для того, чтобы рабочему классу было ясно и открыто отвечено, верно ли, что гг. Ленин, Троцкий, Сталин и братья представляют собой народ, государство и что всякая обида любому из них есть государственное преступление?

Пусть ответит высший большевистский суд и тогда мы будем окончательно знать, что у нас ныне подлинная многоголовая монархия.

Л.Мартов

Здесь же дано такое сообщение:

Дело Л.Мартова

Дело тов. Л.Мартова назначено к слушанию во вторник, 16 апреля. Ввиду упразднения трибунала печати, дело будет слушаться в революционном трибунале под председательством Я.А.Бермана.

«Вперед», 14 (1) апреля 1918 г., № 63 (309).

5. Большевистский суд над Л.Мартовым

Накануне слушания дела т. Мартова в революционном трибунале было объявлено, что доступ в зал будет разрешаться лишь по билетам, выдаваемым у входа. К 11 часам утра у входа в здание суда собралось очень много народа. Пришедшим было заявлено, что все билеты уже розданы.

Между тем в зале было пусто. И только когда т. Абрамович отправился к председателю трибунала с ходатайством о допущении в пустой зал ожидающей у входа публики, публику впустили в зал. Однако вся первая часть процесса – обсуждение вопроса о подсудности – прошла при почти пустом зале.

Вопрос о подсудности

Заседание открывается в половине первого. Председательствует гр. Дьяконов. Обвиняют комиссар по национальным вопросам Сталин-Джугашвили и Сосновский. Защищают т. Мартова тт. Абрамович и Плесков.

Тов. Плесков поднимает вопрос о неподсудности настоящего дела суду революционного трибунала.

- Еще при первом слушании дела мы указывали, что дела по обвинению в клевете в печати на частных лиц не подлежат суду трибунала. В № 40 «Известий» напечатаны два декрета: один о трибунале печати, другой, подписанный И.З.Штейнбергом, - о категориях дел, подсудных революционному трибуналу. В числе последних мы находим: организацию восстания, спекуляцию, злоупотребление властью и т.д. Из

этого перечня ясно, что ни в коем случае клевета на Сталина не может рассматриваться в трибунале. Это могло бы случиться лишь в том случае, если бы Сталин олицетворял народ, - этого, однако, нет. Для нас то или иное решение вопроса имеет политическое значение. Мы желаем знать, существуют ли декреты для того, чтобы они исполнялись всеми без исключения или имеется кучка лиц, которая пользуется исключительными правами и находит защиту в особых судах. Исходя из принципов равенства, мы хотим знать, что и народные комиссары в вопросах об оклеветании их личной чести получают защиту не в исключительных, а в обычных народных судах.

Сосновский возражает:

- В прошлый раз этот арсенал доводов был поднят, - говорит он, - и трибунал признал дело подсудным себе. В заявлении защитника Мартова я вижу крючкотворство. Если Мартов прав, то не все ли ему равно, где его будут судить.

Речь Абрамовича

Т. Абрамович начинает свою речь с фактической поправки. Он указывает Сосновскому, что в промежуток времени между первым и вторым слушанием дела был упразднен трибунал печати. - Раньше, по крайней мере, у трибунала печати была та тень юридических аргументов, что суду трибунала подлежат все преступления, совершенные путем использования печати. Мы и тогда возражали против подсудности, указывая, что Сталин – не народ и народ - не Сталин. Разве российский народ обвинялся в экспроприации? Нет, - только Сталин. Не обвинялась и советская администрация, - обвинялось опять-таки только одно лицо: Сталин. Представьте себе другое положение: Сталин написал бы что-нибудь про Мартова. Разве пришло бы кому-нибудь в голову требовать предания Сталину суду революционного трибунала? Если бы Мартов привлек Сталина к суду трибунала, то разве последний не настаивал бы на передаче дела в народный суд?

Нам необходимо знать, есть ли у нас равенство всех граждан перед судом или имеются граждане первого сорта, белая кость, и граждане второго сорта – чернь. И мы требуем равенства перед судом для всех граждан. Сосновский пытается подойти к делу юридически: он указывает, что все дела трибунала печати переданы в революционный трибунал и, значит, в нем должны быть заслушаны. Но защитники указывают ему, что эти дела переданы общему трибуналу не просто для слушания, а для распределения их по принадлежности.

Сталин защищает свою привилегированность

Неожиданно выступает с заявлением Сталин и настаивает на предоставлении ему особой привилегии в защите судом его имени. - Когда Мартов писал статью, - говорит он, - ясно, что писал он не о каком-то Сталине, который живет неведомо где и занимается экспроприациями. Ясно, что он хотел ущемить перед рабочими члена Ц.И.К. Ясно, что писал он обо мне не как о частном лице, а как о члене правительства.

Возражение Мартова

- Это было бы понятно, - возражает ему Л.Мартов, - если бы мы стали на путь охраны царского периода. Но и тогда судили в особом суде оскорбителей станового лишь в том случае, если оскорбление произошло при исполнении им служебных обязанностей. Сталина же я обвиняю в деянии, которое он совершил, когда в нем не было и тени будущего народного комиссара, а был он простым экспроприатором, - и несмотря на это он здесь подписывается именем народного комиссара и требует привилегии.

По-видимому, Сталину и Сосновскому необходимо нарушить равенство всех граждан перед судом. Но я хочу сказать, чтобы они сняли маску: либо они должны открыто сказать, что каждое лицо, стоящее у власти, должно охраняться особым судом, ведающим преступлениями против народа, либо они должны отказаться от возможности слушать настоящее дело в трибунале, а не в народном суде. Я жду беспристрастного и определенного ответа на вопрос, есть ли особая изгородь законов, которая разделяет равных в республике граждан на две неравные части.

Речь Абрамовича

Сосновский снова пытается «уязвить» противника и должен был потерпеть еще одно поражение. Он задал «лукавый» вопрос: куда т. Абрамович направил дело об оклеветании с.-д. меньшевика Вайнштейна. - В трибунал печати, - отвечает т. Абрамович, - ибо он тогда существовал еще. Теперь же дело перешло в революционный трибунал и мы будем просить передать дело в местный народный суд. Мне странным кажется, почему Сталин, как это сделал бы всякий обыкновенный гражданин, не обратился в народный суд: если Мартов неправ, то народный суд точно также осудит его, как осудил бы его и трибунал, значит, гр. Сталин добивается еще чего-то другого.

Это раньше было, что старшина, одев цепь, говорил: «А теперь вдарь» - и, во всяком случае, оскорбления его защищался особым судом, судом привилегированным, с сословными представителями, а не обычным судом присяжных. Теперь эту цепь делают из чернильного росчерка: подписался «народный комиссар» и требует особого суда. Я спрашиваю вас: власти, отчего вы боитесь обыкновенного народного суда? А потому, что вы хотите создать привилегии, вы хотите создать категорию «помазанников», исключительный закон, по которому людей с «цепью» охраняют особо и за оскорбления которых сажают в тюрьму и вообще карают особенно сурово, суровее, чем по народному суду. При старом строе, строе самодержавном существовала официозная история о божественном происхождении власти. От царя до последнего городского тянулась непрерывная цепь носителей божественного начала. Всякое действие против этих носителей каралось по особым исключительным законам, в особом квалифицированном суде. Неужели и теперь хотят установить такой же порядок, и место прежней священной бюрократии займет новая, не менее «священная».

Но гражданин Сталин говорит: оскорблен не я один. Мартов в моем лице хотел оскорбить и оскорбил всю партию, членом которой я состою. Это акт политической борьбы.

Не стану спорить. Очевидно и ясно, что нынешний процесс не личный, а политический. Но если б было и так, как думает Сталин, если б Мартов действительно хотел нанести удар всей большевистской партии. Разве большевистская партия принадлежит к числу «неприкосновенных институтов» Советской республики, за оскорбление которой полагается привлечение к особому суду, не народному, а суду Революционного трибунала? Где, в каком пункте Инструкции указано, что-либо подобное? В § 4 перечисляются все преступления, за которые обвиняемый подлежит суду Революционного трибунала. Там имеется: «восстание против Сов.власти», «саботаж», «злоупотребление властью», но там нет ни слова об оскорблении тех или иных политических партий.

Дело настолько ясно, что сам Сталин признал, что «у Мартова есть некоторые основания». Не «некоторые», а все основания, гражданин Сталин. И если суд этих оснований не признает, то он этим скажет, что в Росс. Советск. республике нет равенства всех граждан перед законом. В 1 ч. 20 м. суд удаляется на совещание.

Решение суда по делу Сталина

Трибунал совещался свыше трех часов. В своем постановлении он признал, что дело Мартова, как возбужденное Сталиным в порядке частного обвинения, неподсудно революционному трибуналу. Трибунал постановил жалобу гражданина Сталина оставить без дальнейшего рассмотрения.

Новое дело против тов. Мартова

Одновременно трибунал усмотрел в содержании той же статьи тов. Мартова, которой Сталин «оскорбился», и оскорбительный для рабоче-крестьянского правительства выпад, подрывающий доверие к нему в народных массах, и сообщение сведений, способных посеять смуту, и постановил потребовать в настоящем заседании от Л.Мартова объяснений по поводу помещенных им в газете выражений.

Неожиданное обвинение, где суд вдруг берет на себя прокурорские обязанности, вызывает общее изумление. Тов. Мартов заявляет: - До сих пор обвинение в том или другом деянии обычно исходило от обвинительной или следственной власти, а не от суда, который рассматривает, прав подсудимый или виноват. Я не понимаю всей этой судебной процедуры: суд передает меня суду – себе же.

Тов. Плесков, ссылаясь на декрет об учреждении трибунала, указывает, что постановление суда противоречит декрету, который устанавливает, что для предварительного допроса обвиняемого учреждается следственная комиссия, и пока дело не прошло через комиссию, оно не может быть рассмотрено в суде. Т. Плесков протестует против того, что правительственное учреждение нарушает свои же декреты.

Председатель разъясняет, что объяснения Л.Мартова затребованы ввиду того, что на предварительном следствии по делу Сталина тов. Мартов отказался дать объяснения. Кроме того, суд усмотрел в статье только элементы преступления и лишь в зависимости от объяснений Л.Мартова он решит, предавать ли его суду.

- Раз трибунал усмотрел элементы преступления, - замечает т. Мартов, - и предание суду уже предрешено, то объяснения могут быть от меня потребованы только в случае судебного или предварительного следствия. Я должен быть вызван на заседание, специально для этого назначенное.

Диссонансом совершенно ненужным и непонятным вкрапливается в дело предложение председателя выступить кому-либо из публики в качестве обвинителя. Слова просит Сосновский. Все убеждены, что она намерен выступить обвинителем по новому делу, но оказывается, что он возвращается к ликвидированному делу Мартова – Сталина. Он указывает, что его вызывают в качестве обвиняемого по делу об оклеветании члена ЦК Бунда т. Вайнштейна в следственную комиссию при трибунале. Значит и меньшевики считают дела об оклеветании подсудным трибуналу.

- Мы обратились в трибунал печати – поправляет Сосновского т. Абрамович, - когда он существовал. Повестка же не от нас исходит.

Протест Мартова

Получив по существу обвинения, Л.Мартов протестует против скоропалительности нового процесса:

- Я недоумеваю, как мог суд рассматривать мою статью на предмет выяснения ее преступности без моего присутствия в несчастном (так в тексте) заседании, и протестую против подобного порядка. Никогда никакой суд так не поступал. Слова, вменяемые мне в вину, я повторяю в каждой статье, в каждом выступлении и могу лишь констатировать, к ущербу для моего авторского самолюбия, что, очевидно, судьи моих статей не читают и лишь случайно узнали мои мнения, прочтя их в строках, соседних с теми, по которым возникло сорвавшееся обвинение Сталина. И у публики невольно создается впечатление, что ввиду провала дела по обвинению меня Сталиным, кому-то надо было найти в той же статье признаки другого преступления, чтобы получить таким путем компенсацию за провал.

Т. Абрамович настаивает, чтобы во всяком случае т. Мартова судила не та коллегия, которая его предает суду. Будет ли здесь шестиголовый или семиголовый прокурор, важно, что данный состав суда, взявший на себя прокурорские функции, уже предубежден. Нельзя быть в одно и то же время обвинителем, следователем и судьей.

Почему так скоропалительно ставится это дело? Статья написана три недели назад. Давно ее можно было рассмотреть, - поневоле приходится видеть, что кто-то желает получить именно сегодня какое-то удовлетворение.

Т. Плесков указывает на отсутствие в содержании статьи состава преступления. Вменяются в вину клеветнические выпады по адресу советской власти. Но такого преступления нет в перечисленных пунктах декрета. Дело поэтому не может быть возбуждено.

Наконец, председатель, по-видимому, почувствовал всю неловкость создавшегося положения и заявил Л.Мартову:

- Предоставляю вам «последнее слово».

Т. Мартов говорит:

- Мне вменяется в вину указание, будто большевики помогают туркам завладеть Карсом, Ардаганом и Батумом. За те же фразы привлечены гг. Дан и Кац, и я предлагаю привлечь меня к общему делу, как соучастника. Меня удивляет, почему меня раньше не привлекали за эту статью. Я вправе думать, что вопрос о клевете возник лишь тогда, когда обвинение Сталина провалилось. Тогда решено было сделать на меня натиск с другой стороны, хотя за содержанием статей следило всегда внимательное око комиссара печати. Могу объяснить, что я пишу только то, в чем убежден. Я считаю и потому пишу, что Совет Народных Комиссаров нарушил интересы русского народа, отдавая туркам кавказские области, что народные комиссары не смели подписывать Брестский договор. Думать и говорить так – это мое право. Я должен кричать о том, что Брестским миром совершено преступление против рабочего класса и буду кричать, пока мне не заткнут рот. Далее считаю, что большевистское движение на Кавказе оказывало косвенную поддержку турецкому наступлению. Вот почему я ставлю риторический вопрос: выполнит ли Советская власть тот пункт Брестского договора, которым она обязывалась помочь Германии и ее союзникам очистить от русских вооруженных сил все отчуждаемые области, т.е. Батум, Карс и Ардаган?

Может ли быть здесь клевета? Нет, я не пользуюсь несуществующим документом, я не утверждаю новых, подлежащих проверке фактов, предомной текст Брестского договора, и я даю политическую оценку той политики, которая привела к подписанию этого договора. Раз приходится исполнять договор, обязующий помогать Турции овладеть Батумом и т.д., я вправе говорить словами, приведенными в моей статье. Я критикую и буду критиковать, хотя бы меня заключили в тюрьму, эту политику, как предательскую по отношению к русскому и международному пролетариату. Наконец, инкриминируемые мне слова об уровне, на котором стоит режим Ленина и режим Вильгельма, я повторяю здесь: осудив кавказских меньшевиков за то, что они допустили закрыть большевистские газеты, что бы они ни писали, я сказал, что наши товарищи не должны опускаться до уровня, на котором стоят правительства абсолютистской Германии и советской России. И действительно: есть только две страны, где свобода печати душиется без

всяких церемоний: Германия Вильгельма-Гинденбурга и Россия, к которой и сейчас применимы слова Салтыкова о том, что русский писатель жаждет получить ту меру правосудия, которой пользуется тать и вор!

Трибунал удаляется на совещание, которое длится около двух часов. Наконец, звонок. «Действо» начинается. Публика убеждена, что трибунал выскажется по вопросу о том, судить или не судить т. Мартова. Оказывается иначе: уже судили и объявляется приговор. (Текст приговора см ниже)

По оглашении приговора над тов. Мартовым, один из защитников, тов. Абрамович, пытается развить мотивированный протест по поводу комедии суда. Председатель пресекает эту крамолу окриком, что «дело окончено, суд перешел к рассмотрению следующего дела», и тов. Мартов успевает лишь крикнуть иронически: «Да здравствует Революционный трибунал!»

При выходе публика устраивает ему овацию.

Ввиду невозможности развить свой протест против глумления, учиненного над тов. Мартовым, защита его в лице гг. Р.А.Абрамовича и А.А.Плескова посылает в Революционный трибунал мотивированный письменный протест, текст которого будет приведен в следующем номере нашей газеты.

Приговор по делу Л.Мартова

Московский революционный трибунал, выслушав объяснения Л.Мартова по поводу слов, помещенных в газете «Вперед» № 51, «чтобы Закавказская республика не бесчестила себя, опускаясь до уровня какого-либо правительства Ленина – Троцкого или Вильгельма – Гинденбурга», признал в этих словах наличность оскорбления для власти рабоче-крестьянского правительства; в словах той же статьи Л.Мартова: «кавказские виселицы и расстрелы понадобились «Правде» для артиллерийского подготовки предстоящего похода большевистского правительства на Кавказ в целях его присоединения и в целях выполнения обязательства, которое взял на себя Ленин, отдать Батум, Карс и Ардаган Турции», - трибунал признает наличность сообщения, способного вызвать в широких трудовых массах смуту и беспокойство в том, что рабоче-крестьянская власть готова бросить рабочие массы центральной России против таковых же на Кавказе.

Все эти сообщения трибунал признал способными подорвать доверие к рабоче-крестьянскому правительству в кругах народа.

Объяснения гр. Мартова трибунал признал неосновательными, а самого виновным в совершении преступления посредством печати против трудовой власти. Ввиду изложенного Московский революционный трибунал постановил: выразить на первый раз гражданину Мартову (Цедербауму) за легкомысленное для общественного деятеля и недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью общественное порицание, обязав все газеты, выходящие в Москве, опубликовать настоящий приговор.
«Вперед», 17 (4) апреля 1918 г., № 65 (311)

6. Статья, подписанная «Д». «Что сказал суд?»

Тоже невозможно установить (слишком много людей брали эти псевдонимы), но может и Ф.И.Дан.

Товарищ Мартов признан достойным «общественного порицания» за слова, в которых усмотрена «наличность оскорбления (?) власти рабоче-крестьянского правительства, и за обобщения, способные подорвать доверие к рабоче-крестьянскому правительству». Революционный трибунал не счел даже нужным указать (мы не говорим доказать, где уж?!), что оскорбления эти незаслуженны, или что сообщения т. Мартова ложны. Нет. Не мудрствуя лукаво, он на деле восстановил, - не называя ее! – знаменитую статью о «дерзостном порицании Верховной власти», которым щегловитовы всех времен и народов пользовались, чтобы затыкать рот недовольным и заставлять их молчать на всех языках.

Оскорбление усмотрено в том, что правительство Ленина – Троцкого поставлено на одну доску с правительством Вильгельма. Мы не знаем, что скажет германский император по поводу этого «дерзостного порицания» его власти трибуналом правительства, которое до сих пор покорно выполняет все его, кайзера, веления. Мы не знаем, не придется ли гражданину Чичерину писать еще одну ноту «протестующего извинения». Но мы знаем и видим, что самим приговором своим трибунал сказал, что советское миро, которым мазан Ленин, делает его столь же священным и неприкосновенным, как и то божественное миро, которым мазан его германский коронованный друг! Снимайте перед ними шапки, печатайте им похвальные оды и пойте: «Спаси, Господи, люди твоя», ибо иначе вы окажетесь достойными «общественного порицания».

Не распространяйте «сообщений способных подорвать доверие» к

премудрости и всеблагости ваших правителей. Не читайте и не давайте читать другим сообщений гражданина Крыленко о подвигах вчерашнего помазанника советского Дыбенко, о побеге его и Коллонтай, - ибо, что может больше «подорвать», чем это сообщение? Остерегайтесь говорить, а тем паче писать, что Брестский мир наложил оковы на Россию; что Финляндия и Кавказ преданы на поток и разграбление империалистическим полчищам; что «рабочий контроль» разрушил промышленность; что в деревне идет поножовщина; что под покровом «коммунистического» режима ловкие дельцы и реакционеры обделывают свои делишки, обогащаются, пробираются к власти, готовят злейшую реакцию, в которой обманутым, связанным по рукам и ногам оказался пролетариат.

Не говорите и – Боже упаси! – не пишите об этом ни словечка, ибо говорить и писать об этом значит «вызывать в широких трудовых массах смуту и беспокойство». А вы должны быть спокойны: «спокойствие есть первый долг гражданина», сказал еще прадед нашего друга Вильгельма. Вы должны спокойно («не слишком много рассуждая», выражаясь стилем последнего военного приказа гражд. Троцкого) жать своей участи, ждать, пока благопопечительное начальство не устроит все к вашему благу.

Если же вы этого не понимаете, если вы думаете, что ваше – не только право, но и святая обязанность перед вашим классом – «беспокоиться», что «доверие» надо заслуживать не затыканием рта «критиканам», а своими действиями, - ну, тогда вы явно – люди «легкомысленные» и если «на первый раз» вам выразят «порицание», то на второй, поверьте, сумеют запятать и в кутузку. Вот что сказал вам, тт. рабочие, революционный трибунал своим приговором по делу т. Мартова.

Это судебное поучение столь ценно, что вполне понятно, почему трибунал, спешивший высказать его, опрокинул все «предрассудки» судопроизводства и, вынужденный указать гражданину Сталину его место, тотчас же создал и «в мгновение ока» разрешил новое «дело».

Д.

«Вперед», 19 (6) апреля 1918 г., № 66 (312)

7. Официальные публикации:

Дело Мартова

Решение трибунала по делу Л.Мартова, которым дело по обвинению Мартова Сталиным в клевете было прекращено, вызвало резкие

возражения со стороны некоторых членов Центрального Исполнительного Комитета. ЦИК будет в ближайшие дни обсуждать этот вопрос.

Заседание Центрального Исполнительного Комитета

В понедельник, 23 апреля, в 7 часов вечера состоится заседание Центрального Исполнительного Комитета в здании бывшей гостиницы «Метрополь». В порядке дня стоят вопросы: предложение комиссариата о кассировании приговора по делу Сталина – Мартова; доклад народного комиссара по военно-морским делам Троцкого о законе по всеобщему обязательному обучению, порядке замещения командных должностей и формуле советской присяги. В программу включены также вопросы о задачах Советов в деревне и организации продовольственного дела. «Вперед», 21 (8)апреля 1918 г., № 63 (314)

8. Заметка Л.Мартова «Откровенная юстиция»

Большевицкая юстиция не знает церемоний. Когда ею самой назначенный суд выносит не соответствующее партийным интересам решение, она не останавливается перед тем, чтобы требовать отмены этого решения у высшего органа советской власти.

Комиссариат юстиции предложил Центр. Исп. Комитету отменить решение Московского революционного трибунала по делу об обвинении меня Сталиным в клевете.

Напомню читателям, что решение Московского трибунала заключалось в отклонении жалобы Сталина и основывалось на том:

1. что, согласно декрету о революционном трибунале, последнему подсудны лишь дела политические о преступлениях против государства (восстания, заговор, саботаж) или должностное (взятки и т.д.)

2. что, ввиду равенства всех граждан перед судом, дело по частному обвинению в клевете, хотя бы обвинителем явился народный комиссар, должно разбираться в обычном (т.е. народном) суде. Какого же перерешения этого вопроса требует г-н Стучка от Ц.И.К.?

Желает ли он, чтобы Ц.И.К «разъяснил», что, наряду с делами о государственных преступлениях, тот же революционный трибунал разбирал все дела, в которых пострадавшим является один из комиссаров, например, дело о ссоре между комиссаром и его женой или его прислугой, о похищении у комиссара носового платка и т.д.?

Желает ли он, чтобы Ц.И.К. установил, что в советской республике нет равенства граждан перед судом, и что комиссары пользуются привилегией особой подсудности, как это было при царизме? Будет интересно выслушать ответ Ц.И.К. на эти вопросы. Будет интересно посмотреть, станет ли он еще раз на колени перед комиссарами, заставляющими его снова унижить свое политическое достоинство и в интересах личной мести нескольких людей «о прошлом» попать явно и бесстыдно элементарные начала демократии в судебном деле?

«Вперед», 25 (12) апреля 1918 г., № 71 (317)

9. Ц.И.К. Дело Мартова Расправа

Много насилия, угодливости, попрания прав меньшинства и неуважения большинства к самому себе видели стены «Метрополя» с тех пор, как там заседает Ц.И.К. Но вчерашнее заседание было верхом трусливого цинизма.

На повестке стоял вопрос о кассации дела Мартова – Сталина. Вопрос этот был возбужден народным комиссаром юстиции. Но его бумага не была даже оглашена, и певец самосудов Крыленко выступил докладчиком от президиума. Господа Свердловы и иже с ними, неизвестно, в каком порядке, сами предварительно решили вопрос. И случайно ли было, что многие члены президиума отсутствовали? Или у них не нашлось мужества публично продемонстрировать свою блудливую трусость?

Крыленко требовал пересмотра дела, между прочим, во имя прав обвиняемого, интересы которого были-де нарушены тем, что суд не предоставил ему слова для защиты. И тут же, чтобы показать во всей красе ту бездну лицемерия, в которую способны опуститься вчерашние революционеры и сегодняшние бонапартисты, сейчас же после его доклада готовый ко всяким услугам Свердлов предложил без прений утвердить резолюцию суда о касании дела.

Он не дал слова т. Суханову ; он не дал слова бывшему комиссару юстиции, левому с.-р. Штейнбергу, автору декрета о революционном трибунале, который мог бы дать компетентные разъяснения параграфов этого декрета: он не дал слова к порядку т. Череванину, который просил этого слова в самом начале доклада Крыленко; он не дал слова даже самому обвиняемому - т. Мартову, о попрании прав которого только что печаловался докладчик президиума!

И фракция большевиков, как один человек, по указке фракционной палочки, голосовала за это надругательство над правосудием! И левые с.-р., подымая руки против предложений Свердлова, ни одним звуком, ни

одним жестом не посмели выразить возмущения этой презренной комедией коалиционного суда!

И при виде этого собрания чиновников большевистского правительства, раболепно творящих волю хозяина, невольно вспомнилось другое собрание – сенатских чиновников, проституированных чинами, местами, орденами, окладами, которым Ипполит Мышкин 35 лет тому назад швырнул в лицо свою незабываемую негодующую речь. И это – высший орган социалистической республики, верховный выразитель воли революционного пролетариата?

Товарищи – рабочие! Ходите толпами, и как можно чаще, на заседания Ц.И.К., на заседания революционного трибунала! Ходите всюду, где творится вашим честным именем гнусное насилие, где под вашим незапятнанным флагом чинится подлая расправа, где распинается правда и справедливость. Своими глазами, своими ушами убедитесь, как готовится то оружие произвола и попрания правосудия, которым вас же будут поражать ваши классовые враги, в числе которых вы, конечно, увидите десятки и сотни тех, кто сегодня выдает себя за пламенных коммунистов! И краска гнева и стыда зальет ваши лица при мысли, что эти люди смеют выдавать себя за ваших представителей и свое дело за ваше дело!

Заседание 25 апреля

После приветственной речи одного американца, расписавшегося в своих симпатиях к большевикам и во время своей речи сказавшего по-русски «Я – большевик», собрание перешло к обсуждению дела т. Мартова. С докладом выступил знаменитый главковерх Крыленко. Сущность его доклада сводится к тому, что в деле тов. Мартова был допущен целый ряд ошибок. С одной стороны, суд вынес приговор, не выслушав даже речей стороны, с другой стороны, суд, выразив порицание тов. Мартову за легкомысленное отношение, тем не менее, признал дело по обвинению в клевете на Сталина себе неподсудным. Между тем выходка Мартова, по утверждению Сталина, явилась попыткой использовать печать для политических целей, так как опорочение Сталина, занимающего такой ответственный пост, кладет пятно на все правительство. Ввиду этого предлагается Ц.И.К. кассировать приговор и передать его в революционный трибунал для окончательного рассмотрения.

Тов. Мартов указывает, что в президиум давно подана записка с просьбой о слове к порядку данного вопроса. Свердлов заявляет, что никому слова к порядку не дает. Оппозиция указывает, что эти нарушается наказ Свердлова? Вам слово не дано. Т. Мартов: Трус, жалкий трус! В зале

поднимается страшный шум. Среди шума происходит голосование, но т. Мартов все время требует слова. Свердлов: покорнейше прошу товарищей указать, к каким мерам я должен прибегнуть, как председатель, чтобы Мартов не мешал.

Т. Мартов: Я требую слова.

Свердлов ставит на голосование одобрение действий президиума.

Свердлов: Прошу вас покинуть зал заседания.

Т. Дан: Прошу слова к порядку.

Т. Мартов: Я с удовольствием удаляюсь.

Т. Дан забегает на трибуну и что-то кричит по адресу председателя.

Свердлов: Член Ц.И.К. Дан пытался оскорбить собрание, я нахожу излишним передать те слова, которые он сказал. Прошу Дана удалиться. Дан покидает зал заседаний.

Статья Л.Мартова «Я удовлетворен»

Удовлетворен четырежды. Во-первых, тем, что революционный трибунал, признав правоту моих соображений о неподсудности ему дела по жалобе Сталина, тем самым подтвердил, что под видом суда господа большевики хотели насытить свою политическую месть и расправиться с неугодным им человеком.

Во-вторых, тем, что тот же революционный трибунал, будучи вынужден к этому решению, вытекающему из буквы декрета, коим он создал, счел нужным немедленно возбудить против меня новое дело и без следствия засудить меня по обыкновению (Так в тексте. Очевидно, следует читать: по обвинению) в оскорблении советской власти, чем доказал, что не о том или ином судебном деле шла речь, а именно о политической мести, - о том, чтобы так или иначе разделаться с Мартовым.

В-третьих, тем, что Центральный Исполн. Комитет, по докладу президиума, объявил, что, возбудив новое дело, без следствия и без выслушания защиты, трибунал совершил неслыханное беззаконие.

В-четвертых, тем, что тот же Ц.И.К. одновременно приказал революционному трибуналу разбирать жалобу Сталина; тем, что, в обоснование этого чудовищного решения, Крыленко привел довод, что оскорбление Сталина должно считаться преступлением против народа; тем, наконец, что эта мотивировка была настолько для самих большевиков очевидно нелепой и циничной, что Ц.И.К. нарушая и наказ, и правила приличия, и стыд, не дал никому слова для возражений или для предложений и отказал в слове даже мне, обвиняемому.

Я удовлетворен вполне. На моем деле этим господам, этой сотне большевиков из Ц.И.К., среди которых не оказалось ни одного мужчины, способного иметь свое мнение перед лицом господ самодержцев, пришлось показать всему народу, что большевистская компания представляет собой подлинную по французскому выражению республику кумовьев, из которых каждый Свердлов, Стеклов, Красиков и Козловский, рассматривая власть как общую добычу, считает себя обязанным с нарушением собственных декретов, собственного человеческого достоинства и всех принципов помогать куму, когда ему нужно навести лак на грязное пятно в его прошлом или настоящем.

Г-н Свердлов отдал приказ суду меня осудить. Г-н Троцкий объяснил, что принцип республики кумовьев «исполнить и об исполнении донести». Мне зажали рот вчера, мне зажмут его, конечно, в революционном трибунале: для того-то ведь там меня хотят судить, а не в народном суде. Но, как бы ни зажимали рот, правда об экспроприаторском прошлом Сталина будет вскрыта, а г-н Свердлов, его господин Троцкий, его кум Сталин и все прочие кумовья уже себя осудили. Этого с меня хватит. «Вперед», 26 (13) апреля 1918 г., № 72 (318)

Геннадий Головков, специально для Beenergy.RU